

Вовлечение в совершение преступлений террористического характера и публичные призывы к террористической деятельности: проблемы разграничения

Аннотация. В статье доказывается, что существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, в общественной опасности) вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ) связаны в первую очередь с уровнем конкретности соответствующих высказываний, степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим мотивационным эффектом, чем побудительные высказывания общего характера. Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга: склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности. Конкретика специального подстрекательства, предусмотренного частями 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ, заключается в том, что вербовщик склоняет другое лицо к террористическому преступлению (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация), что отличает его от публичных призывов к террористической деятельности, для которых такая конкретизация не характерна.

Ключевые слова: противодействие терроризму; вовлечение в совершение преступлений; преступления террористического характера; вербовка в террористических целях; публичные призывы к террористической деятельности; уголовное законодательство; преступление; общественная опасность; квалификация террористических преступлений; подстрекательство к преступлению; степень конкретизации высказываний

Для цитирования: Боков Д. К. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера и публичные призывы к террористической деятельности: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 109–121. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.109-121

Involvement in Terrorist Offenses and Public Appeals for Terrorist Activity: Issues of Differentiation

Dmitry K. Bokov, Cand. Sci. (Law), Vice-Rector, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
dimbok@mail.ru

Abstract. The paper proves that significant differences in the criminogenic potential (and, as a consequence, in the public danger) of involvement in the commission of terrorist crimes (Part 1, 11 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and public appeals for terrorist activity (Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) are primarily associated with the level of specificity of the relevant statements, with the degree of their detail. Psychological and linguistic research confirms that calls to specific actions and setting instrumental tasks that are easy to imagine and plan have a much greater motivational effect than general incentive statements. These patterns also apply to criminal recruitment: encouraging individuals to commit a specific terrorist crime with a description of its details (type of crime, sequence of criminal actions, time, place, etc.) has an incomparably greater motivating effect than general calls for terrorist activity. The specific nature of instigation, as provided for in Parts 1 and 11 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, is that the recruiter incites another person to commit a terrorist crime (specification), while detailing the essential individual characteristics of the future crime (factual specification). This distinguishes it from public appeals for terrorist activity, for which such specification is not characteristic.

Keywords: counter-terrorism; involvement in the commission of crimes; terrorist crimes; recruitment for terrorist purposes; public appeals for terrorist activity; criminal legislation; crime; public danger; classification of terrorist crimes; instigation; degree of specificity of statements

Cite as: Bokov DK. Involvement in Terrorist Offenses and Public Appeals for Terrorist Activity: Issues of Differentiation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):109-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.109-121

В отечественном уголовном законодательстве установлена ответственность за две специфические формы «террористического рекрутинга» — вовлечение в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ). Оба эти деяния нацелены на побуждение иных лиц к террористическим практикам, что неизбежно порождает проблемы их разграничения.

На страницах юридической литературы представлены несовпадающие подходы к разграничению указанных деяний. С точки зрения З. А. Шибзухова, их разграничение необходимо осуществлять на основании двух критериев: 1) адресной направленности: «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности обра-

щены к персонально не определенному кругу лиц», тогда как подстрекательство «нацелено на конкретное, персонально определенное лицо (группу лиц)»; 2) степени конкретизации обращений, направленных на побуждение других лиц к осуществлению террористической деятельности: «обязательным признаком подстрекательства к преступлению является его нацеленность на склонение другого лица (группы лиц) к совершению конкретного, определенного преступления», в то время как публичные призывы «имеют общий характер и не требуют конкретизации: в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе совершения преступления»¹.

Иной подход к разграничению исследуемых деяний представлен в работе А. А. Докуева. Он соглашается с З. А. Шибзуховым в том, что вовлечение в совершение преступлений терро-

¹ Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 134–138.

ристического характера и публичные призывы к террористической деятельности имеют различия в адресной направленности. При этом в качестве второго критерия разграничения указанных деяний А. А. Докуев называет «количество лиц, на которых направлены действия виновного»: «для квалификации по ст. 205.1 УК РФ достаточно, чтобы вовлечение... осуществлялось в отношении одного лица, в то время как... призывы производятся в отношении как минимум двух человек»². По сути дела, А. А. Докуев проводит разграничение составов исключительно на основании признака публичности, включая в него качественные (обезличенность) и количественные (не менее двух адресатов) характеристики. При этом такой критерий разграничения публичных призывов и вовлечения, как степень конкретизации побудительных высказываний, А. А. Докуевым не упоминается.

В представлении О. В. Костылевой приоритетное значение для разграничения анализируемых деяний имеет признак публичности, которую, по ее мнению, «следует связывать в первую очередь с характеристикой адресата». Для подстрекательства, особой разновидностью которого О. В. Костылева считает вовлечение в совершение террористического преступления, «характерна индивидуальная определенность (конкретизированность) склоняемых к преступлению лиц», тогда как публичность призывов предполагает их «обращенность к неопределенному кругу лиц»³. Тем самым О. В. Костылева переносит акцент с содержания криминогенных обращений, побуждающих к террористическим преступлениям, на его адресатов.

Не углубляясь пока в эту дискуссию, обратим внимание на принципиально важное обстоятельство. Рассуждая о критериях разграничения рассматриваемых деяний, необходимо прежде всего понять, почему законодатель дифференцированно оценивает их общественную опасность. Устанавливая уголовную ответственность за различные формы побудительного воздействия на других лиц, законодатель четко дает понять, что вовлечение (ч. 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ) обладает гораздо большей общественной опасностью, нежели публичные призывы (ст. 205.2 УК РФ) (это прекрасно видно по санкциям⁴). В чем же причина столь значимых различий в степени общественной опасности этих деяний?

О. В. Костылева, ссылаясь на мнение немецких правоведов, объясняет различие в общественной опасности исследуемых деяний следующим образом: «...для подстрекательства необходимо личное отношение подстрекателя к исполнителю, позволяющее воздействовать на последнего; в случаях же публичных призывов “говорящий не обладает возможностью лично влиять на адресата”, “не в силах усилить давление, побуждающее к действию, или адаптировать его к конкретному индивидууму” (здесь автор цитирует работу W. K. Timmermann. — прим. Д. Б.). Воздействие в последнем случае обладает меньшей эффективностью как по причине отсутствия личного контакта с адресатом, так и в связи с наличием других, в том числе противоположных оказываемых на аудиторию влияний, которыми не может управлять призывающий»⁵. В этой парадигме принципиальное различие вовлечения и публичных призывов

² Докуев А. А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 123–124.

³ Костылева О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 122.

⁴ Вовлечение в совершение террористических преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет, а совершение деяний, перечисленных в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, — лишением свободы на срок от 8 до 15 лет, тогда как за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности установлена санкция втрое ниже (если брать по максимальному пределу) — лишение свободы на срок от двух до пяти лет.

⁵ Костылева О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование. С. 59.

кроется в их адресной направленности: обращение к конкретному лицу, к группе персонально определенных лиц более опасно, нежели обращение к безликой общественности.

Такое объяснение выглядит не вполне убедительным. Представляется, что существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, в общественной опасности) побудительных высказываний связаны не столько с их адресатами, сколько с уровнем конкретности соответствующих высказываний, со степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования эмпирически подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка конкретных, инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим побудительным эффектом, чем призывы и слова общего характера. Как отмечают исследователи, более продуктивной окажется постановка конкретной и понятной задачи «поменять цепь на велосипеде», чем абстрактная задача «подготовиться к поездке». Объясняя результаты эмпирического исследования, его авторы констатируют: «Чтобы побудить кого-то заняться альпинизмом, нужно пробудить в нем намерение действовать. Однако слова “давайте поднимемся на эту вершину” останутся лишь намерением, если вы не превратите их в конкретный план — как это сделать и когда... Наши исследования ясно показывают, что, если люди хотят побудить других к действию, они особенно часто используют две лингвистические категории. Одна категория включает глаголы, являющиеся носителями действия (например, делать, идти, брать, готовить) и повышающие уровень мобилизации. Другой лингвистический фактор таких сообщений — указание конкретного способа выполнения запланированного действия»⁶. Иными слова-

ми, конкретика помогает легче представить и спланировать понятные шаги, которые позволят достичь цели.

Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга. В уголовно-правовой науке уже обращалось внимание на «зависимость степени опасности распространения криминогенной информации от конкретности призывов (оправданий, одобрения) и их непосредственного содержания». Эта зависимость выражена в простой формуле: «Чем более абстрактный (общий) характер имеет информация, тем менее опасным следует признавать само деяние»⁷. Именно поэтому склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим побудительным воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности, не имеющие конкретики. Что же касается адресной направленности (персонифицированной или обезличенной) побудительных высказываний, то таковая в этом плане имеет второстепенное значение.

В качестве иллюстрации различий вышеизложенных теоретических подходов рассмотрим следующий кейс: вербовщик распространял в сети Интернет обращения, побуждающие неопределенный круг лиц к вступлению в запрещенную террористическую организацию, сообщая при этом требования к «новобранцам» (минимальный и предельный возраст, уровень физической подготовки и т.п.) и условия «службы» (вид деятельности, ежемесячное денежное содержание, разовые выплаты в случае ранения или смерти с указанием их размеров, прохождение обучения). При этом в сообщении были указаны каналы связи с вербовщиком,

⁶ Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Pers Soc Psychol Bull. 2025 Nov. Vol. 51. №. 11. P. 2341–2356. DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418> ; The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts // URL: <https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html>.

⁷ Кунов И. М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 134.

даны подробные инструкции по соблюдению конспирации.

Если руководствоваться критерием адресной направленности, то действия вербовщика нужно квалифицировать по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, поскольку обращение направлено неопределенному кругу лиц. Если же положить в основу разграничения исследуемых деяний критерий конкретности побудительных высказываний, то действия вербовщика надлежит квалифицировать по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Второй подход представляется предпочтительным, ведь наличие признаков вовлечения в совершение конкретного террористического преступления не может перечеркиваться тем, что такое вовлечение нацелено на персонально не определенный круг лиц. Если же руководствоваться первым подходом, то мы получим парадоксальную (если не сказать абсурдную) ситуацию: конкретизированная вербовка одного человека в ряды запрещенной террористической организации будет квалифицирована по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ с максимальной санкцией в 15 лет лишения свободы, в то время как конкретизированная вербовка, обращенная к широкому кругу лиц, получит оценку в рамках санкции ч. 2 ст. 205.2 УК РФ с максимальным наказанием в семь лет лишения свободы (и это при том, что конкретизация преступления, к которому осуществляется склонение, абсолютно одинакова).

Доводом против квалификации по ст. 205.1 УК РФ конкретизированных побудительных высказываний, обращенных к неопределенным лицам, может служить довольно распространенное мнение о том, что подстрекательство к преступлению (а значит, и вовлечение как его частное проявление) должно иметь адресную персонификацию — нацеленность на конкрет-

ное лицо или группу персонально определенных лиц. Применительно к классическому подстрекательству (ч. 4 ст. 33 УК РФ) такое мнение высказывается, в частности, в известном энциклопедическом издании: «...при подстрекательстве склонение всегда адресовано одному или нескольким конкретным лицам и направлено на возбуждение у них желания совершить вполне определенные преступления»⁸. А поскольку вовлечение в совершение преступлений террористического характера устойчиво ассоциируется с подстрекательством, то этот тезис о конкретизированном адресном воздействии воспроизводится и применительно к ст. 205.1 УК РФ. Проекция общих положений о подстрекательстве на ст. 205.1 УК РФ отчетливо видна в следующей цитате: «...публичные призывы к осуществлению террористической деятельности носят обобщенный, абстрактный характер и направлены на группу лиц. *Подстрекатель же всегда обращается к определенному лицу. Иными словами, склонение к преступлению является адресным действием*, которое направлено на то, чтобы породить у конкретного лица умысел на совершение конкретного уголовно наказуемого деяния (например, совершить террористический акт, захватить заложника и т.д.)»⁹.

Однако исходный тезис об обязательной персонифицированной адресной направленности подстрекательства, который, судя по всему, воспринимается в качестве аксиомы (по крайней мере должного его обоснования в процитированных работах не приводится), представляется излишне категоричным и потому неверным. Законодательное определение подстрекателя (ч. 4 ст. 33 УК РФ) акцентирует внимание на результативности (успешности) подстрекательских действий, вследствие кото-

⁸ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 6 : Соучастие в преступлении. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. С. 177.

⁹ Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П. В. Агапов, А. С. Васнецова, М. Н. Косарев [и др.] ; под ред. П. В. Агапова. М. : Проспект, 2019.

Более того, некоторые исследователи распространяют этот тезис на любое криминализованное в Особенной части УК РФ склонение к преступлениям. См.: Кокунов А. И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023. С. 23.

рых «другое лицо» склонено к совершению преступления (хотя бы неоконченного). При этом закон не требует изначальной персонификации этого «другого лица»; главное, чтобы умысел на совершение преступления сформировался у этого лица именно в результате конкретизированного склоняющего воздействия и при этом склоняющий и склоняемый имели взаимную осведомленность о совместном совершении конкретного преступления (в противном случае соучастия не возникает, что не позволяет считать склоняющего подстрекателем). Иными словами, взаимосвязанные предписания ст. 32 и ч. 4 ст. 33 УК РФ не исключают возможности неперсонифицированного подстрекательства к конкретному преступлению.

На это обстоятельство обращалось внимание еще в дореволюционной уголовно-правовой литературе: по мнению, Н. С. Таганцева, «возбуждение толпы на совершение преступных деяний может рассматриваться как подстрекательство, если толпа намеренно склоняется к определенному преступлению, которое впоследствии действительно учиняется»¹⁰. Возможность подстрекательства персонально не определенных лиц к совершению преступления признается и современными специалистами. Так, В. Кустова полагает, что «публичное обещание награды любому, кто совершит то или иное конкретное преступление, должно признаваться подстрекательством к преступлению либо приготовлением к нему». Обосновывая этот вывод, она указывает: «Несмотря на то что в данном случае отсутствует конкретный адресат обращения, характер воздействия и конкретизация желаемого преступления вполне позволяют, на наш взгляд, признать такое обещание награды

подстрекательством к преступлению (при условии, естественно, если преступление в конечном итоге будет совершено) либо приготовлением к нему (если по независящим от лица обстоятельствам его обещания не окажут стимулирующего воздействия на окружающих)»¹¹.

Эти теоретические выкладки подтверждаются криминальной эмпирикой. Например, по информации правоохранительных органов, в закрытом для общего доступа сегменте сети Интернет (так называемом DarkNet) существуют интернет-площадки, на которых размещаются «заказы» на поджоги чужого имущества, избияния¹², убийства¹³. И если подобный «заказ» на убийство, адресованный персонально не определенному «подрядчику», будет исполнен, то имеются все основания для того, чтобы признать «заказчика» подстрекателем к убийству, даже если взаимодействие между соучастниками имело исключительно анонимный характер. Нам могут возразить, что в подобных случаях подстрекательство возникает лишь после того, как будущий исполнитель преступления даст согласие «заказчику» на совершение убийства по найму. Но в этот момент у будущего исполнителя уже сформировался умысел на убийство (причем именно под воздействием неперсонифицированного склонения к совершению конкретного преступления), а значит, согласование условий исполнения «заказа» подстрекательством не является. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает в момент информирования «заказчика» о согласии исполнителя на совершение преступления, а его склонение осуществлено до этого.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что адресная персонификация (воз-

¹⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 346–347.

¹¹ Кустова В. В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12, 132–133.

¹² Анатомия нападения: как устроен даркнет-рынок заказов на поджоги и избияния // URL: <https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia>.

¹³ См.: Убийц собирают в даркнете. СКР нашел площадку, где заказывали тяжкие преступления // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977700> ; Жданов: В теневом сегменте Интернета сформировался рынок заказных убийств // URL: <https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubijstv-stanoviatsia-biznesmeny.html>.

действие на конкретное лицо или группу персонально определенных лиц) не может считаться универсальным, обязательным признаком подстрекательства. Она присутствует в большинстве случаев, но не всегда. Это в полной мере справедливо и для вовлечения в совершение преступлений террористического характера, которое может иметь как индивидуализированную (в большинстве случаев), так и неперсонифицированную (гораздо реже) адресную направленность. А значит, искать критерии разграничения вовлечения и публичных призывов следует не в адресной направленности соответствующих деяний (она, как выяснилось, может совпадать), а в содержании побудительных высказываний, точнее, в степени их конкретности.

Критерий этот иногда трактуется крайне упрощенно: при вовлечении лицо якобы склоняется к совершению конкретного преступления, а публичные призывы имеют «общий характер», побуждают к «абстрактной» террористической деятельности. Однако мнение о том, что публичные призывы к террористической деятельности полностью лишены конкретики (в отличие от вовлечения в совершение террористического преступления), является неверным. По справедливому замечанию О. В. Костылевой, «степень конкретизации действий, к которым побуждает виновный, при публичных призывах действительно может быть ниже, чем при подстрекательстве, но это не означает, что такая конкретизация может отсутствовать вовсе: *из обращения должно следовать, к какого рода деяниям происходит склонение*». Развивая эту мысль, О. В. Костылева пишет: «...призыв обладает побудительным потенциалом, а потому должен содержать явно выраженное желание побудить других к совершению уголовно нака-

зуемых деяний. <...> *Определенная степень конкретизации деяния, к которому осуществляется призыв, необходима именно потому, что высказывания общего характера лишают обращение побудительного потенциала*, превращая его в пропагандистское сообщение. Так, одно дело призвать, например, к совершению террористических актов и присоединению к какой-либо террористической организации, а другое — агитировать за необходимость “борьбы с режимом” или “битвы с неверными”»¹⁴.

Какую именно степень конкретизации побудительных высказываний следует признать достаточной для того, чтобы квалифицировать их в качестве общего или специального подстрекательства? Высший судебный орган, подчеркивая конкретность подстрекательства, отмечает: «Подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя»¹⁵; «призывы и пожелания общего характера, которые непосредственно не направлены на склонение лица к конкретному противоправному деянию, не являются подстрекательством»¹⁶. В уголовно-правовой доктрине утверждается: «конкретизированность умысла не предполагает с необходимостью, что в сознании подстрекателя представлены с необходимой точностью все аспекты юридической квалификации преступления»¹⁷; «побуждая к совершению преступления, подстрекатель вовсе не должен самым детальным образом обрисовывать картину будущего посяательства. Вполне достаточно, чтобы он в основных чертах, а не по строго юридическим канонам определил характер преступного дея-

¹⁴ Костылева О. В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2024. Т. 65. № 1. С. 172–173.

¹⁵ Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 11.09.1967 по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 5. С. 43.

¹⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2015 № 30-АПУ15-3 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Некоз А. С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 75.

ния, к которому он склоняет другое лицо»¹⁸. Вместе с тем в цитируемом труде отмечается, что подстрекатель должен обозначить не только видовые, но и индивидуальные признаки преступления, к которому он склоняет: «Так, вполне достаточно, чтобы прозвучало название преступления (хотя бы и не точное), *были описаны существенные признаки объективной стороны, названы вредные последствия*»¹⁹. Более того, некоторые ученые считают, что требуемая конкретизация подстрекательства констатируется лишь при условии детализации всех обстоятельств совершения преступления: «Подстрекательство к террористической деятельности всегда конкретно, нельзя склонить к совершению террористического преступления вообще, без указания реального объекта террористического посягательства, а также способов совершения (взрыв, поджог, вооруженное нападение, распространение ядовитых веществ) и конкретных целей»²⁰.

Последнее высказывание представляется слишком категоричным, ведь на стадии подготовки к преступлению (а подстрекательство осуществляется именно на этой стадии) детали планируемого преступного деяния могут быть неизвестны, а потому нельзя требовать, чтобы подстрекатель описал все нюансы преступления, к которому он склоняет. Однако вообще обойтись без изложения индивидуальных признаков преступления, к которому осуществляется склонение, подстрекатель не может. Нельзя подстрекать к хищению вообще — нужно как минимум обозначить предмет хищения и источник изъятия чужого имущества; точно так же подстрекательство к убийству предполагает указание на будущего потерпевшего, а если подстрекателем движет хулиганский или экстремистский мотив, побуждающий к убийству случайного человека (человека, принадлежащего к национальной, расовой группе), то подстрекатель должен конкретизировать способ, место, время убийства (не обязательно все эти

обстоятельства одновременно). Иными словами, в подстрекательстве заложена такая степень конкретизации, которая относится к индивидуальным характеристикам преступления.

Итак, в качестве промежуточного вывода можно заключить: конкретика подстрекательства состоит в том, что подстрекатель склоняет другое лицо к преступлению определенного вида (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация). Этот тезис в полной мере распространяется и на специальное подстрекательство, криминализованное в ст. 205.1 УК РФ, что отличает его от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые не предполагают точных, индивидуализированных указаний на объект террористического нападения, способ, время его совершения, но при этом содержат лингвистические и психологические признаки склонения к террористическому преступлению определенного вида.

Позиция высшего судебного органа относительно степени конкретности вовлечения в совершение преступлений террористического характера неоднозначна, что иллюстрирует решение по делу Колодяжного.

С одной стороны, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала «необоснованным суждение адвоката И. Н. Упорова об отсутствии признаков состава преступления в действиях Колодяжного в отношении Н. ввиду несообщения последнему о конкретных способах присоединения к МТО «ИГ»», указав при этом, что «по смыслу ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористической направленности образует состав указанного преступления с момента совершения *любых побудительных действий в отношении вовлекаемого лица, вне зависимости от степени раскрытия перед ним конкретных способов совершения преступлений, к которым*

¹⁸ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. С. 172.

¹⁹ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. С. 172.

²⁰ Алехин В. П. Подстрекатель в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 137–139.

оно склоняется»²¹. Из процитированной части судебного решения можно заключить, что для констатации признаков вовлечения в совершение террористического преступления не требуется фактической конкретизации способов совершения преступного деяния, к которому склоняется лицо.

С другой стороны, из кассационного определения следует, что побудительные действия Колодяжного, направленные на вовлечение иных лиц в совершение предусмотренного частью 2 ст. 205.5 УК РФ преступления, не ограничились лишь указанием на вид преступления. В этих побудительных действиях усматривается довольно детальная конкретизация преступления, к которому он склонял своих сверстников: Колодяжной, воздействуя на М., З., Д. и Н., «в ходе общения с ними пропагандировал деятельность МТО «ИГ», высказывался о собственной готовности совершать массовые убийства людей, в том числе путем взрыва самодельного взрывного устройства в школе во время последнего звонка, просил оказать ему помощь в подготовке взрыва, неоднократно предлагал им вступить в указанную террористическую организацию, демонстрировал видеозапись, на которой он зачитывает текст, являющийся, по пояснению осужденного, присягой на верность террористической организации». То есть Колодяжной, склоняя четырех персонально определенных лиц к совершению террористического акта путем взрыва (конкретизирован способ) в школе (конкретизировано место) во время последнего звонка (конкретизировано время), а также к вступлению в ряды названной им запрещенной террористической организации (конкретизирована организация) путем уговоров и демонстрации личного примера

(конкретизирован способ), детализировал существенные индивидуальные характеристики преступлений, что обоснованно квалифицировано по ст. 205.1 УК РФ. Поэтому процитированный ранее фрагмент о необязательности раскрытия конкретных способов совершения преступлений нельзя воспринимать таким образом, что высший судебный орган будто бы вообще не требует конкретизации индивидуальных признаков преступления, к которому осуществляется склонение.

В решении по делу Салтыкова Верховный Суд РФ согласился с позицией нижестоящих судов, которые квалифицировали по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ размещение в сети Интернет заявлений, побуждающих к мести «кафирам» — взрывам метро, стадионов, магазинов, кафе, ресторанов, захватам самолетов²². В этих публичных заявлениях содержится прямой призыв к совершению террористических преступлений определенного вида, но при этом степень конкретизации призывов недостаточна для того, чтобы вменить ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Сделанные нами выводы о критериях ограничения вовлечения и публичных призывов позволяют понять и объяснить трансформации доктринальных и правоприменительных подходов к интерпретации признака публичности призывов.

Изначально публичность призывов в контексте ст. 205.2 УК РФ трактовалась как их обращенность к широкому, персонально не определенному кругу лиц, при этом подчеркивался их безличный характер²³. Такое толкование публичности основано на международно-правовом запрете на «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления»: статья 5 Конвенции Совета Европы о предупре-

²¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18.05.2021 по делу № 223-УД21-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См., например: Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19. С. 11; Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 15; Шибзухов З. А. Указ. соч. С. 93–94.

ждении терроризма 2005 г. в качестве адресатов «публичного подстрекательства» называет «общественность», то есть обезличенный круг лиц²⁴. Именно эта позиция положена в основу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ: «Вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) должен решаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.)» (п. 19 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1²⁵). И хотя Пленум прямо не указывает на обезличенный характер публичных призывов, приведенные им примеры иллюстрируют обращения к персонально не определенным лицам.

Однако в дальнейшем на доктринальном и правоприменительном уровнях происходит постепенная трансформация в интерпретации публичности деяний, предусмотренных статьей 205.2 УК РФ. В трактовке публичности акцент смещается с качественного критерия

(неперсонифицированность адресатов) на количественный (два и более лица)²⁶, что наглядно демонстрирует практика высшего судебного органа²⁷. Таким образом, интерпретация признака публичности призывов имеет выраженную тенденцию к расширению. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «требование обращенности заявления к неопределенному кругу лиц заменяется на менее строгое — направленность его двум или более лицам, или даже менее точное — присутствие других лиц»²⁸.

Отмеченная трансформация правоприменительного толкования публичности призывов к осуществлению террористической деятельности имеет вполне прагматичное объяснение.

Во-первых, как было показано выше, единственным критерием, позволяющим отграничить вовлечение в совершение преступления террористического характера от публичных призывов к террористической деятельности, выступает степень конкретизации побудительных высказываний. Их адресная направленность (индивидуальная или обезличенная) в этом плане не имеет уголовно-правового значения, так как при фактической конкретизации преступления, к которому осуществляется склонение

²⁴ См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина «Десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) (п. 32) // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf>.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

²⁶ Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) ; Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89.

²⁷ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.10.2019 № 203-АПУ19-15 // СПС «КонсультантПлюс» ; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 11.11.2021 № 222-УД21-45-А6 // СПС «КонсультантПлюс» ; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 05.08.2025 № 223-УД25-19-А6 // СПС «КонсультантПлюс» ; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № 225-УД24-21-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Костылева О. В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. С. 173.

(конкретизация места, способа, времени, других обстоятельств), такое побуждение квалифицируется по ч. 1 или ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. Вследствие этого в трактовке публичности применительно к ст. 205.2 УК РФ акцент закономерно переносится на количественный критерий (в отношении или в присутствии нескольких лиц).

Во-вторых, субъекты антитеррористической уголовно-правовой политики исходят из того, что любые высказывания и действия, побуждающие к совершению преступления террористического характера, требуют уголовно-правовой реакции. А поскольку инструментарий реагирования на «террористический рекрутинг» ограничен двумя статьями, то логика уголовно-правовой оценки действий, побуждающих к террористической деятельности, приобретает бинарный характер: «или ст. 205.1 — или ст. 205.2 УК РФ»²⁹. Разрешая эту квалификационную дилемму, правоприменительные органы придают приоритетное значение ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического

характера, полагая, что статья 205.2 УК РФ должна применяться по остаточному принципу — в тех случаях, когда побудительные высказывания не имеют фактической (индивидуальной) конкретики, необходимой для применения ст. 205.1 УК РФ. Причем, с точки зрения правоприменителей, статья 205.2 УК РФ, выполняя функцию «запасной нормы», должна перекрывать все проявления побудительных действий, которые не охватываются частями 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ, или по крайней мере большинство из них. А для этого признак публичности призывов надо трактовать как можно шире, ориентируясь исключительно на количественный критерий.

Таким образом, границы деяния в виде публичных призывов к осуществлению террористической деятельности во многом определяются правоприменительными подходами к интерпретации смежного деяния — вовлечения в совершение преступлений террористического характера, что может служить очередным свидетельством системности и взаимосвязанности антитеррористических уголовно-правовых норм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алехин В. П.* Подстрекатель в террористической деятельности // *Общество и право*. — 2008. — № 1. — С. 137–139.
2. *Анатомия нападения: как устроен даркнет-рынок заказов на поджоги и избиения* // URL: <https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia>.
3. *Борисов С. В.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // *Российский следователь*. — 2007. — № 19. — С. 10–12.
4. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина «Десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf>.

²⁹ Эта логика, кстати, прослеживается и в справочных документах Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Отмечая, что в ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. «уголовная ответственность предусмотрена только за публичные заявления», специалисты Управления оговаривают, что «непубличное подстрекательство может преследоваться на основании общих концепций уголовной ответственности, которые могут включать соучастие, участие в преступном сообществе или сговоре, пособничество, консультирование, участие в подготовке преступления, его организацию, руководство совершением преступления и содействие ему». См.: Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. С. 40. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf.

5. *Докуев А. А.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 192 с.
6. Жданов: В тенеовом сегменте Интернета сформировался рынок заказных убийств // URL: <https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubijstv-stanoviatsia-biznesmeny.html>.
7. *Кибальник А., Соломоненко И.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. — 2007. — № 2. — С. 14–16.
8. *Кокунов А. И.* Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2023. — 221 с.
9. *Костылева О. В.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 268 с.
10. *Костылева О. В.* Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2024. — Т. 65. — № 1. — С. 159–178.
11. *Кунашев А. А.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. — 2018. — № 6. — С. 81–89.
12. *Кунов И. М.* Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2017. — 208 с.
13. *Кустова В. В.* Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 206 с.
14. *Некоз А. С.* Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 253 с.
15. Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П. В. Агапов, А. С. Васнецова, М. Н. Косарев [и др.] ; под ред. П. В. Агапова. — М. : Проспект, 2019. — 120 с.
16. Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. — URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf.
17. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. — М., 1994. — 818 с.
18. Убийц собирают в даркнете. СКР нашел площадку, где заказывали тяжкие преступления // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977700>.
19. *Шибзухов З. А.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 181 с.
20. Энциклопедия уголовного права. Т. 6 : Соучастие в преступлении. — СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. — 563 с.
21. *Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C.* Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // *Pers Soc Psychol Bull.* 2025 Nov. Vol. 51. №. 11. P. 2341–2356. — DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418>.
22. The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts // URL: <https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html>.

Материал поступил в редакцию 7 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekhin V. P. Podstrekatel v terroristicheskoy deyatel'nosti // *Obshchestvo i pravo.* — 2008. — № 1. — С. 137–139.
2. Anatomiya napadeniya: kak ustroen darknet-rynok zakazov na podzhogi i izbieniya // URL: <https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia>.

3. Borisov S. V. Ugolovnaya otvetstvennost za publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma // Rossiyskiy sledovatel. — 2007. — № 19. — S. 10–12.
4. Doklad Spetsialnogo dokladchika po voprosu o pooshchrenii i zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod v usloviyakh borby s terrorizmom Martina Sheynina «Desyat elementov nailuchshey praktiki v oblasti borby s terrorizmom» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf>.
5. Dokuev A. A. Ugolovnaya otvetstvennost za sodeystvie terroristicheskoy deyatel'nosti: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2016. — 192 s.
6. Zhdanov: V tenevom segmente Interneta sformirovalsya rynek zakaznykh ubiystv // URL: <https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubiystv-stanoviatsia-biznesmeny.html>.
7. Kibalnik A., Solomonenko I. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma // Zakonnost. — 2007. — № 2. — S. 14–16.
8. Kokunov A. I. Ugolovno-pravovoy zapret sklonayushchego vozdeystviya: dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2023. — 221 s.
9. Kostyleva O. V. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti, publichnoe opravdanie i propaganda terrorizma: ugovno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2024. — 268 s.
10. Kostyleva O. V. Razgranichenie podstrekatelstva i publichnykh priyvov k soversheniyu prestupleniy v ugovnom prave Rossii XX–XXI vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2024. — T. 65. — № 1. — S. 159–178.
11. Kunashev A. A. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti, publichnoe opravdanie terrorizma ili propaganda terrorizma: ugovno-pravovoy analiz i voprosy kvalifikatsii // Ugolovnoe pravo. — 2018. — № 6. — S. 81–89.
12. Kunov I. M. Ugolovno-pravovoe protivodeystvie rasprostraneniyu kriminogennoy informatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2017. — 208 s.
13. Kustova V. V. Ugolovnaya otvetstvennost za finansirovanie prestupnoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2016. — 206 s.
14. Neko A. S. Ugolovnaya otvetstvennost za podstrekatelstvo k prestupleniyu: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 253 s.
15. Prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti: nauchno-prakticheskiy kommentariy k normam UK RF (postateyny) / P. V. Agapov, A. S. Vasnetsova, M. N. Kosarev [i dr.]; pod red. P. V. Agapova. — M.: Prospekt, 2019. — 120 s.
16. Spravochnik po ugovno-pravovym meram protivodeystviya terrorizmu. Vena: Upravlenie Organizatsii Obedinennykh Natsiy po narkotikam i prestupnosti, 2009. — URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf.
17. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo: leksii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1. — M., 1994. — 818 s.
18. Ubiysa sobirayut v darknete. SKR nashel ploshchadku, gde zakazyvali tyazhkie prestupleniya // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977700>.
19. Shibzukhov Z. A. Ugolovnaya otvetstvennost za publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2012. — 181 s.
20. Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 6: Souchastie v prestuplenii. — SPb.: Izd. prof. Malinina, 2007. — 563 s.
21. Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Pers Soc Psychol Bull. 2025 Nov. Vol. 51. №. 11. P. 2341–2356. — DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418>.
22. The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts // URL: <https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html>.